

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 N° XLIX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ РОМАНА В. ГЮГО:
Notre-Dame de Paris.

(Окончаніе.)

Майешта продолжала :

„Ей было очень, очень горько : она выплакала себѣ всѣ глаза. Но въ спыдѣ и печали, ей казалось, что ей было бы легче и не такъ спыдно, если бы хоть кого нибудь на свѣтѣ могла она любить и быть взаимно любимой. Она узнала это, полюбивъ одного разбойника, единственнаго чловѣка, которъ бы захопѣлъ имѣть съ нею связь, но скоро примѣшила, что разбойникъ ее презираетъ.
— Только любовникъ или дитя могутъ на-

полнить пустоту сердца у этихъ женщинъ: безъ того онъ сущія несчастливцы. Не надѣясь имѣть любовника, она до смерти заохотѣла ребенка, и все молила милосердаго Бога, потому, что не переставала быть набожною по старому. Милосердый Богъ жался надъ нею, и послалъ ей дочь. Не стану говорить объ ея радости: она едва не помѣшалась. Сама кормила ребенка грудью, сдѣлала ему пеленки изъ послѣдняго своего одѣла, не думала ни о холодѣ, ни о голодѣ, и спала снова мила и хороша по прежнему. Старая дѣвушка сдѣлалась молодою машерью. Снова явились угодники: поваръ ея пошелъ въ ходъ. Пакетша надѣлала пеленокъ, свивальниковъ и дѣвскихъ чепчиковъ, кружевныхъ пѣлогрѣй и атласныхъ шапочекъ, не думая о покупкѣ себѣ одѣла. — Смотри, Евстаѣій, не съѣшь пирога. — Спору нѣтъ, что маленькая Агнеса, — имя, данное мамокѣ при крещеніи; фамилія же Шанпфлёрри давно не имѣла; — нѣтъ спору, что ребенокъ изукрашенъ былъ шипьемъ и ленпами лучше, чѣмъ какая нибудь дофина изъ Дофинѣ! Между прочимъ была у ней пара башмачковъ, какихъ лучше вѣрно не имѣлъ самъ Король Лудовикъ XI! Мать ея нарочно вышила ихъ красиво на заглядѣнье; эти розовые башмачки были такіе крохотные, словно мой

большой палецъ, и надобно было видѣть, какъ мать снимала ихъ съ маленькихъ ножекъ, тогда только повѣришь, что онѣ могли въ нихъ входить. Да и ножки такія крохотныя, такія розовыя, красныя, словно апласъ на башмачкахъ! — Когда у васъ будутъ дѣти, Ударда, тогда увидите сами, что нѣтъ ничего на свѣтѣ краше ихъ ножекъ и ручекъ.“

„И то не прочь,“ сказала Ударда, вздыхая: „но это зависить отъ господина Андрея Мюнье.“

„Въ добавокъ ко всему,“ продолжала Майешпа: „не однѣ ножки хороши были у дѣвочки Пакешпиной. Я видѣла ее по четвертому мѣсяцу: ну, наспояцій ангельчикъ! Глаза у ней были больше, чѣмъ ротъ, а прекрасные, черные, шелковые волосы завивались сами собою. Въ шестнадцать лѣтъ она была бы славная чернявка! Мать ее со дня на день все больше и больше становилась отъ ней безъ ума: ласкала ее, цѣловала, щекопала, мыла, наряжала! Она едва помнила себя отъ радости, и благодарила Бога. Особенно розовыя ножки цѣловала она безпрестанно и не могла ими налюбоваться: такъ онѣ были малы; то обувала, то разувала ихъ, смотрѣла на свѣтъ, миловалась и восхищалась, заставляя малютку ходить на постелѣ, и охот-

но провела бы всю жизнь передъ нею на колыняхъ, то обувая, то разувая ее.

„Хороша сказочка,“ молвила Гервасія въ полголоса: „но гдѣ шупь Цыганы?“

„Вопь они,“ возразила Майетта. „Однажды прїѣхали къ намъ въ Реймсъ какіе-то чудные господа, не то нищіе, не то бродяги, либо прюаны, а тоже подъ началомъ у своихъ Князей и Графовъ; смуглые съ курчавыми волосами и съ серебряными кольцами въ ушахъ. Женщины у нихъ во сто краше уродливѣе мужчинъ; лица у нихъ были еще чернѣе и вѣчно открыты. Въмѣсто плащя — какая нибудь негодная пѣлогрѣя, да на плечахъ кусокъ спараго сукнишка, связаннаго веревками, а волосы словно грива конская. Ребяшники, что валялись у нихъ въ ногахъ, напугалъ бы до смерти хоть обезьянъ. Ну словомъ, шайки отлученныхъ отъ Церкви. Всѣ они пришли въ Реймсъ прямехонько изъ Египта черезъ Вольтъ. Исповѣдывалъ ихъ самъ Папа, и, сказывающъ, наложилъ на нихъ эписпимію: велѣлъ цѣлыя семь лѣтъ скипаться по міру, не ложась ни разу на постель. Отъ того и звались они покаянниками. Кажется, что они были прежде нехристы, и потому вѣрили въ Юпитера, и требовали десяти ливровъ Турскихъ отъ всякаго Архіепископа и Епископа, отъ того, что у нихъ была на это Папская

була. А въ Реймсѣ пришли они предсказывать
 всякому, что съ нимъ сбудется, и ворожить
 во имя Алжирскаго Короля и Нѣмецкаго Им-
 ператора. Можете себѣ представить, этого
 довольно было, чтобъ не впустишь ихъ въ
 городъ. Что жъ они? безъ дальнихъ спросовъ
 весь таборъ расположилъ у Бренскихъ во-
 ропъ, на пригоркѣ, знаете? подлѣ мельницы.
 Весь нашъ Реймсѣ перебивалъ у нихъ. И
 впрямь, чудеса, да и полько: взглянуть вамъ
 на ладонь и наговоришь диковинныхъ пред-
 сказаній: чего добраго? они, пожалуй, гошвы
 были возвѣспишь Іудѣ, что онъ сдѣлается
 Папою. Однако про нихъ носились дурныя
 сказки: будто они воровали дѣшей, обирали
 прохожихъ, и даже ѣли человѣческое мясо.
 Умники говаривали проспачкамъ: не ходите
 къ Цыганамъ, а сами хаживали украдкою; всѣ
 будто ряхнулись, а отъ того, что пришлецы
 баяли диковинки, на удивленіе хоть Карди-
 налу. Матери были безъ ума отъ дѣшей съ
 тѣхъ поръ, какъ Цыганки прочли у нихъ на
 рукахъ разныя чудесности, писанныя по-бу-
 сурмански. У одной былъ Императоръ, у дру-
 гой Папа, у третьей Генералъ. Любопыт-
 ство подстрекнуло бѣдную Шанфлѣри: за-
 хошлось ей до смерти узнать, не будетъ
 ли когда нибудь ея милая Агнесочка Армян-
 скою Императрицею или чѣмъ либо другимъ.

Вопь и снеси ее къ Цыганкамъ, а тѣ ну любоваться, да мшловаться ребенкомъ, ну цѣловать своимъ черными губами, дивясь ея маленькой рученкѣ, къ несчастію, на радость матери. Всего болѣе не могли они наглядѣться на ея маленькія ножки и крохотныя башмачки. Дѣвочкѣ не было еще году; но она ужъ лепетала и смѣялась, какъ дурочка, глядя на мать, и была кругла и мала, словно ангельчикъ. Однако Цыганки ее напугали, и она заплакала; но мать спала цѣловать ее еще крѣпче, и пошла домой, не помня себя отъ радости: ей сказали, что Агнеса ея будетъ чудо красоты и добродѣтели, — ну, словомъ царица. Вопь она и ворошилась къ себѣ въ сѣшелку съ своею царицею. На завтра, уложивъ ребенка спать на своей постелѣ, (она спала всегда съ нимъ вмѣстѣ), не прищворивъ дверей, вышла она тихонько изъ дому, и побѣжала въ Сушильную улицу разсказать сосѣдкѣ, какъ дочкѣ ея Агнесѣ будетъ со временемъ прислуживать за споломъ Англійскій Король и Князь Еоіопскій и другія диковинки. Ворошилась домой и видя, что все тихо, она молвила про себя: добро, ребенокъ спитъ. Дверь была настежь; бѣдная мать кинулась къ постелѣ... — ребенка въ ней не было и мѣсто, было пусто, только лежалъ на постелѣ маленький ея башмачекъ.

Она кинулась изъ комнапы, сбѣжала съ лѣспни-
цы и спала колопиться головою объ стѣны и
кричала: — дитя мое! у кого дитя мое? кто
взялъ дитя мое? — Въ улицѣ было пусто;
домъ споялъ одиноко: никто не могъ ей дать
опвѣта. Она побѣжала въ городъ, бродила, за-
пыхавшись, весь день по улицамъ, какъ безум-
ная, спуча у дверей и оконъ, словно дикій звѣрь,
у кошораго украли дѣшей; волосы у ней рас-
препались; спрашно было поглядѣшь на нее;
а въ глазахъ горѣлъ у ней огонь, и сушилъ
ей слезы. Оспанавливая прохожихъ, она кри-
чала: „Дочь мою! дочь мою! милую дочь мою!
Тому, кто опдастъ мнѣ дочь, я спану слу-
жишь цѣлую жизнь, буду рабою его собаки,
дамъ расперзатъ мою внушренность, если
угодно.“ — Она повспрѣчала священника цер-
кви Сень-Ремп и сказала ему: „батюшка! я
спану пахатъ вамъ землю ногтями, шолько
опдайте мнѣ дитя мое!“ — Сердце раздира-
лось, глядя на нее, Ударда! и я видѣла, какъ
заплакалъ жестокой челоувѣкъ, Прокуроръ
Понсъ Лакабрь. — Бѣдная мать! Вечеромъ
она воропилась къ себѣ домой. Въ оплучку
ея сосѣдки видѣли, какъ двѣ Цыганки вошли
къ ней шихомолкомъ съ какимъ-шо узломъ
подъ мышкою, и вскорѣ выбѣжали, захопнувъ
двери; съ шой поры въ горенкѣ у Пакешпы
кто-шо кричалъ, словно ребенокъ. Бѣднаа

мать съ хохомомъ взлѣзла на лѣспницу, вышибла дверь, будто пупкою, и вбѣжала... — Ужась, да и шолько, Ударда! Вмѣсто милой ся Агнесочки, которую послалъ ей самъ Богъ милосердый, — какое-то маленькое, безобразное, хромое и одноглазое чудовище визжало, барахляясь на полу. Въ ужась она закрыла себѣ глаза. — Неужели, молвила она, неужели колдуньи обрали дочь мою въ эшого страшнаго звѣря? — Поспѣшили унести урода, а то она, пожалуй, совсѣмъ бы рхнулаась. То былъ сынъ какой нибудь Цыганки опъ самого нечистаго, казалось по четвертому году; онъ болшалъ на какомъ-то языкѣ, шолько не по-человѣчьи: никто не могъ понять ни полслова. — Бѣдная Шаншлѣри кинулась на башмачекъ — все, что ей оспалось опъ всего любезнаго ей на свѣтѣ, и долго оставалась безъ движенія, безъ дыханія, не говоря ни слѡва, пакъ, что многіе почли ее умершею. Вдругъ задрожала она всѣмъ шѣломъ, спала цѣловать башмачекъ, словно безумная, и попомъ зарыдала, какъ будто сердце уней разорвалось. Мы все плакали вмѣстѣ съ нею. Она говорила: малюшка, дочка моя! милая, пригожая дочка моя! гдѣ ты? и эши слова ел раздирали внутренность. Я и шедерь плачу, когда объ этомъ вздумаю. Дѣши наши, видите ли, мозгъ костей нашихъ. — Бѣдный мой

Евстафій! какъ онъ милъ! Если бъ вы знали, какъ онъ милъ! Вчера онъ мнѣ сказалъ: хочу быть жандармомъ! О, мой Евстафій, если я тебя лишусь! — Вдругъ Шаншфлери вскочила и спала бѣгать по всему Реймсу, крича: въ цыганскій таборъ! въ цыганскій таборъ! жгите колдуновъ! — Цыганы скрылись. — На дворѣ была темная ночь, хоть глазъ колд. Нельзя было ихъ преслѣдовать. На другой день, въ двухъ миляхъ отъ Реймса, въ кустахъ, нашли слѣды раскладеннаго огня, нѣсколько лентъ, принадлежавшихъ ребенку Пакепты, капли крови и куриный помешъ. Минувшая ночь именно была съ Пяницы на Субботу. Не оставалось ни какого сомнѣнiя, что Цыганы праздновали шабашъ въ кустахъ, и съѣли ребенка въ обществѣ съ нечислымъ, какъ это всегда водится у бусурманъ. Когда Шаншфлери узнала такія страсти, то не выронила ни слезинки: губы у ней шевелились, но она не могла вымолвить ни полслова. На завтра волосы ея посѣдѣли. Послѣ завтра — она скрылась.“

„Этакія страсти!“ сказала Ударда: „опъ ихъ, пожалуй, заплачетъ хоть Бургундецъ!“

„Теперь не дивлюсь,“ прибавила Гервасiя: „опъ чего вы до смерти боитесь Цыганокъ!“

„Умно сдѣлали,“ примолвила Ударда: усколь-

знують сей часъ съ Евспаѳіемъ, потому что и
эти Цыганы изъ Волыни.“

„Никакъ нѣтъ,“ возразила Гервасія. „Ска-
зываютъ, они пришли изъ Испаніи и Капа-
лоніи.“

„Изъ Капалоніи? ну, можетъ быть,“
отвѣчала Ударда. „Волынь, Валонія, Капало-
нія, — я вѣчно смѣшиваю эти земли! Но дѣ-
ло въ томъ, что они точно Цыганы.“

„И вѣрно тоже падки на ребящъ,“ при-
бавила Гервасія. „Не дивлюсь, если и Смеральда
охотница покушать дѣпскаго мяса, не смо-
ря на свой маленькій рошикъ. Ея бѣлая ко-
за мнѣ очень подозрительна: это не спро-
ста!“

Майешпа шла молча, погружаясь въ ту
мечтательность, копорая, нѣкоторымъ об-
разомъ, служить продолженіемъ горесп-
ному разсказу, и прекращается тогда
только, когда всѣ фибры сердца потрясены
до послѣдней. Однако Гервасія молвила ей: —
„И никто не могъ узнать, что спалось съ
Шантфлери?“ Майешпа не отвѣчала, а Гер-
васія повторила вопросъ, дернувъ ее за ру-
кавъ и назвавъ по имени. Майешпа будио
проснулась.

„Что спалось съ Шантфлери?“ сказала
она, машинально повторяя слова, коихъ впе-
чатлѣніе было еще свѣжо въ ея слухъ, и уси-

ливааясь понять смысл оныхъ: „Аа!“ примолвила она быстро: „этого никто не могъ узнатьъ.“

Послѣ минушнаго молчанія она прибавила :

„Одни видѣли, какъ она въ сумерки вышла изъ Реймса въ Флешамбольскія ворота; другіе, на разсвѣтѣ, въ спарую заспаву. Одинъ нищій нашелъ ея золотой крестикъ на каменномъ крестѣ, знаеме на лужайкѣ, гдѣ бываетъ ярмарка; тотъ самый крестикъ, что погубилъ ее въ 61 году, подаренный ей прекраснымъ Виконтомъ Кормонтрелемъ, первымъ ея любовникомъ. Пакетта никогда не хотѣла съ нимъ разстаться, не смотря на свою бѣдность: она привязана была къ нему наравнѣ съ жизнью; и потому, увидѣвъ этотъ крестикъ, мы подумали, что она умерла. Однако наши ребята изъ Вотскаго кабака видѣли, какъ она шла по Парижской дорогѣ, босикомъ по камнямъ. Но тогда надо ей выйти изъ города въ Вельскія ворота. А мнѣ кажется, что она точно вышла въ Вельскія ворота, только на тотъ свѣтъ.“

„Я васъ не понимаю,“ сказала Гервасія.

„Вель,“ отвѣчала Майетта съ меланхолическою улыбкою: „Вельрѣка.“

„Бѣдная Шантфлёрн!“ молвила Ударда, содрогаясь: „ушонула!“

„Да, упонула,“ прервала Майешпа. „Зналь ли добрый опсць ея, Гиберто, проѣзжая съ пѣснями подь мостомъ въ своей лодкѣ, что милая малюшка его поже будешь плыть подь пѣмъ же мостомъ, только безъ пѣсень и безъ лодки?“

„А башмачекъ?“ спросила Гервасія.

„Пропаль съ машерью,“ отвѣчала Майешпа.

„Бѣдный башмачекъ!“ сказала Ударда.

Ударда была женщина полстая и чувствительная; съ нее довольно было бы поздыхать вмѣстѣ съ Майешпой. Но у любопытной Гервасіи не истощился запасъ вопросовъ.

„А чудовище?“ вдругъ спросила она у Майешпы.

„Какое чудовище?“ молвила та.

„Маленькое чудовище, что Цыганки оставили у Шаншлѣри на обмѣнъ дочери. Что вы съ нимъ сдѣлали? Надѣюсь, поже упоили?“

„Никакъ нѣтъ,“ отвѣчала Майешпа.

„Ну такъ вѣрно сожгли! Туда и дорога колдовскому ребѣнку!“

„Ни то, ни другое, Гервасія! Господинъ Архіепископъ принялъ участіе въ цыганскомъ ребѣнкѣ, окрестилъ его, заклалъ бѣса и послалъ въ Парижъ въ церковь Богоматери выспавишь на деревянной кровати, какъ подкидыща.“

„Охъ, эти Епископы! Дѣлаютъ все по своему, отъ того, что ученые! Сами согласитесь, Ударда! Принимаютъ дѣвола за подкидыша! Я увѣрена, что маленькое чудовище былъ самъ нечистый духъ. — Что жъ сдѣлали съ нимъ въ Парижѣ, Майешта? Надѣюсь, не нашлось ни одной благошворительной особы, которая бы согласилась взять его къ себѣ?“

„Не знаю,“ отвѣчала Майешта. „Именно въ это самое время мужъ мой купилъ должность сиряпчаго въ Берю, въ двухъ миляхъ отъ города, и мы перестали заниматься этою исторіей.“

Во время сего разговора, при почтенныя мѣщанки прибыли на Гревскую площадь, и въ шоропахъ прошли было не останавливаясь, мимо общественнаго молишвеннаго Турь-Роландскаго дома, машинально присоединясь къ увеличивающейся безпрестанно толпѣ народа, окружавшей позорный столбъ. Зрѣлище, привлекавшее въ это время всеобщее вниманіе, вѣроятно, заслѣпало ихъ совсѣмъ позабыть келью Крошу нора, если бы полстый шестилѣтній Евснаеѣй, котораго Майешта тащила за руку, не напомнилъ имъ вдругъ о цѣли ихъ путешествія. — „Мапушка!“ сказалъ онъ, какъ бы чувствуя по какому-то инстинкту, что келья осталась позади: — „теперь мнѣ можно съѣсть пирога?“

Если бъ Евстаеій былъ посмысленъе, по еспь, не сполько обжорливъ, онъ обождалъ бы съ симъ вопросомъ до возвращенія домой, въ Университетскую часть, къ Андрею Мюнъе, въ Валанскую улицу, въ то время, когда два рукава Сены и пяшь мостовъ Спше находились бы между пирогомъ и норою; тогда бы онъ могъ спросить: — машушка, теперь мнѣ можно съѣсть пирогъ?

Но сей самый вопросъ, не во-время сдѣланный Евстаеіемъ, пробудилъ вниманіе Майешпы.

„А, кешапи!“ сказала она: „а о зашворницѣ-то мы и позабыли! Покажите жъ мнѣ вашу нору. Я туда снесу пирогъ.“

„Тотчасъ!“ сказала Ударда: вы сдѣлаете доброе дѣло.“

Но Евстаеію это было во все не по сердцу.

„Вашъ-те пирогъ!“ сказалъ онъ, попеременно поднимая плечи до самыхъ ушей, что въ такихъ случаяхъ означаетъ негодованіе въ высшей степени.

Три женщины ворошили назадь, и когда подошли къ Туръ-Роландскому дому, Ударда сказала имъ: — „Вдругъ не надо смонрѣть всѣмъ проимъ въ нору, чпобъ не испугать покаянницы. Сдѣлайте видъ, будто чипаете

Dominus въ молишвенникѣ, а я между стѣмъ загляну въ окошко; запворница опчаспи меня знаетъ; послѣ я васъ кликну.“

Она подошла къ окошку; но въ то мгновеніе, когда взоръ ея проникнулъ въ оное, сердечная жалость отразилась во всѣхъ ея чертахъ: веселое, простодушное ея лице внезапно измѣнило свой цвѣтъ и обыкновенное выраженіе свое, какъ бы перейдя отъ солнечнаго свѣта къ лунному; глаза наполнились слезами, и ротъ искривился, будто передъ плачемъ. Черезъ минушу, приложивъ палецъ къ губамъ, она дала знакъ Майеттѣ подойти,

Въ смущеніи подошла Майетта, не говоря ни слова, на цыпочкахъ, какъ бы къ постелѣ умирающаго.

Въ самомъ дѣлѣ, печальное зрѣлище представилось двумъ женщинамъ въ то время, когда онѣ, не дыша и не шевелясь, смотрѣли въ конурку запворницы, сквозь рѣшетчатое окошко.

Узкая, но не глубокая, со спрѣлчатымъ сводомъ келійка, походила изъ внутри на фуляръ огромной Епископской шапки. Въ углу, на голыхъ каменныхъ плисахъ, съжившись, сидѣла женщина, облокотясь подбородкомъ на колѣна и прижимая оныя къ груди своей крестообразно сложенными руками.

Она была завернута въ рубище темнаго цѣвша съ широкими складками; ея длинныя, сѣдые волосы бѣжали по лицу, вдоль ногъ, до самаго полу; съ перваго взгляда она походила на чудное изображеніе, рисовавшееся на темномъ полѣ кельи, на какой-то черноватый треугольникъ, съ одной стороны полуосвѣщенный дневнымъ свѣтомъ, проникавшимъ въ окошечко. То былъ одинъ изъ тѣхъ блѣдныхъ, недвижныхъ, зловѣщихъ призраковъ, соспавленныхъ изъ свѣта и тмы, прикованныхъ къ гробницѣ или къ шемничной рѣшеткѣ, какіе видимъ во снѣ или въ дивныхъ произведеніяхъ Гоя. То не былъ ни мужчина, ни женщина, ни существо живое, ни опредѣленная форма: но былъ образъ какого-то привидѣнія, въ коемъ спалкивалось мечтательное съ дѣйствительнымъ, какъ свѣтъ и тѣнь. Изъ-подъ ея разсыпанныхъ до земли волосъ едва видѣлся суровый, истощенный профиль лица; одежда ея едва открывала босую ногу, скорченную на холодной плитѣ. Немногое, что видно было человѣческаго изъ-подъ сего рубища кающихся, внушало невольный прещетъ.

Существо сіе, какъ бы пригвожденное къ плитѣ, казалось, не въ состояніи было ни двигаться, ни мыслить, ни дышать. Полуодѣшая въ скудное рубище, сидя на грани-

пть, въ Январскій холодъ, безъ огня, въ мрачной пемницѣ, сквозь окно которой доходилъ къ ней только порывъ вѣтра и никогда лучъ солнечный, — она, казалось, не только не спрдала, даже ничего не чувствовала. Кто нибудь сказалъ бы, что она обратилась въ камень, вмѣстѣ съ пемницею, стала льдомъ — съ порою года. Руки ея были сложены, глаза недвижны. При первомъ взглядѣ можно было почестъ ее привидѣнiемъ, при второмъ — спашую.

Однако жъ, по временамъ, ея посившiя губы полуоткрывались вздохами и дрожали, — но столь же мертвенно и машинально, какъ шевелятся листья, колеблемыя вѣтромъ.

Однако жъ изъ ея мрачныхъ очей вылеталъ взглядъ невыразимый, пронцашельный, печальный, такъ сказать вѣчный, непрестанно устремленный въ одинъ изъ угловъ норы, ко-его нельзя было видѣть извнѣ, — взглядъ, казалось, сливавшiй всѣ черныя думы сей убитой гореспями души съ какимъ-то неизвѣстнымъ, паййственнымъ предметомъ.

Таково было существо, называвшееся *затворницею* по имени своего жилища, а по одеждѣ, схимницею.

Три женщины, ибо Гервасiя присоединилась къ Майепштѣ и Удардѣ, смотрѣли въ окошечко, заслоняя головами слабый свѣтъ,

входившій въ келійку; но злополучная не при-
мѣчала ихъ. — „Не спанемъ ей мѣшапъ,“ ска-
зала пихонько Ударда: „видите, на нее нашло:
она молился.“

Однако Майешта съ возраспающею по-
скою размашпривала сію морщинистую, без-
образную, съ распрепанными волосами го-
лову, и глаза ея наполнились слезами. „Вошь
что чудно!“ пробормотала она про себя.

Просунувъ голову сквозь желѣзныя по-
лосы, вставленныя въ отверзтіи, она успѣ-
ла проникнуть взоромъ въ помпъ уголь, на
который взглядъ несчастной поспоянно былъ
успремель.

Когда она вынула свою голову изъ око-
шечка, все лице ея было обрызгано слезами.

„Какъ вы зовете эту женщину?“ спроси-
ла она Ударду.

Ударда отвѣчала: — „Мы зовемъ ее се-
спрою Гудулою.“

„А я,“ прервала Майешта: „я зову ее Па-
кешта Шаншфери.“

Приложивъ палець къ губамъ, она пода-
ла знакъ изумленной Удардѣ просунуть го-
лову въ окошечко и поглядѣшь.

Ударда взглянула и увидѣла въ томъ
углу, къ которому взоръ замворницы при-
кованъ былъ въ мрачномъ испуленіи, —
маленькій, изъ розоваго апласа башмачокъ,
вышитый золопомъ и серебромъ.

Вслѣдъ за Удардою посмотрѣла Гервасія, и всѣ при женщины начали горько плакать, глядя на злополучную мать.

Но ни взгляды, ни слезы ихъ не развлекли затворницы. Руки ея оставались сложенными по прежнему; глаза и губы недвижными. Сердце разрывалось у нихъ, кои смотрѣли на нее, зная исторію башмачка. Еще ни полслова не вымолвили при женщины: онѣ боялись говорить, даже шепотомъ. Въ безмолвіи и горести, въ забвеніи всего окружающаго, спояли онѣ передъ отверзпіемъ, пакъ, что ихъ можно было принять за молящихся предъ алтаремъ въ день Пасхи или Рождества: онѣ готовы были преклонить колѣна. Имъ казалось, что они вошли въ церковь о Страстной.

Наконецъ Гервасія, самая любопытная, и слѣдовательно наименѣ чувствительная изъ всѣхъ трехъ, попыталась выманивъ слово у затворницы: — „Сестра! сестра Гудула!“

Три раза повторила она сей призывъ, возвышая голосъ, но затворница оставалась въ прежнемъ положеніи: ни слова, ни взгляда, ни вздоха, ни какого признака жизни.

Ударда въ свою очередь сказала ей съ привычною ласкою: — „Сестра! святая сестра Гудула!“ Та же неподвижность, то же безмолвіе.

„Страшная женщина!“ вскричала Гервасія: „ее не разбудишь и бомбардой!“

„Быть можетъ, она глуха,“ молвила Ударда, вздыхая.

„Можетъ быть, слѣпа,“ прибавила Гервасія.

„Можетъ быть, умерла,“ заключила Майешта.

Въ самомъ дѣлѣ, если душа не оставила еще сего безчувственнаго, какимъ-то лезаргическимъ сномъ объявшаго пѣла, — по крайнѣй мѣрѣ она скрылась въ той глубинѣ онаго, куда не доспигаетъ вліяніе внѣшнихъ органовъ.

„Спало, надобно будетъ оставить пирогъ здѣсь на окнѣ; тогда сплнетъ его какойнибудь мальчишка. Какъ быть? нельзя ли какъ разбудить затворницу?“

Евстаѳія занимала въ это время проѣзжавшая мимо пелѣжка, запряженная большою собакою; но любопытство подспрекнуло его, когда онъ увидѣлъ, что при его спутницы смотрятъ въ окошечко. Онъ вскарабкался на каменный выступъ, спалъ на цыпочки и закричалъ во все горло, приложивъ свое румяное лице къ отвѣрстію: — „Дай-ка я погляжу, мамушка!“

Затворница вспрепенулась, услышавъ чистый, звонкій голосъ ребенка, и быстро

повернула голову, какъ механической автомаши; длинныя руки ея разобрали волосы, висѣвшіе по лицу, и дикій, опчаянный взоръ удивленія упалъ на мальчика. Но быспрый взглядъ сей былъ подобенъ молніи. — „Боже мой!“ воскликнула она, скрывая голову въ кольнахъ своихъ, и хриплый голосъ ея, казалось, раздиралъ ей грудь: „по крайней мѣрѣ не показывайте мнѣ чужихъ!“

„Здорово, старушка!“ сказалъ Евспаеій.

Однако слова сіи, можно сказать, пробудили затворницу. Сильный шрепешъ пробѣжалъ у ней по всему тѣлу, съ головы до ногъ; зубы ея стучали; поднявъ до половины голову и подхвативъ руками ноги, какъ бы желая ихъ согрѣть, она сказала: — „Ухъ! какъ холодно!“

„Бѣдная женщина!“ молвила Ударда жалоспливо: „не принесли ли тебѣ дровъ?“

Но ша отрицательно покачала головою.

„Ну такъ вошь, возьми спялянку съ водкой,“ продолжала Ударда: „испей и согрѣйся.“

Затворница снова отрицательно потрясла головою, и сказала, пристально глядя на Ударду: — „Воды!“

Ударда хотѣла настоять на своемъ. — „Нѣтъ, сестра! зимой вода что за пишье? Выпей-ка водки, да скушай эшотъ пирога; мы нарочно испекли его для тебѣ.“

Но та не взяла предлагаемаго пирога и сказала: — „Чернаго хлѣба!“

Распроганная Гервасія сняла свою душегрѣйку и молвила, подавая запворницѣ: — „надѣнь-ка это себѣ на плеча, сестра!“

Но та не взяла душегрѣйки, сказавъ: — „Рубища!“

„Однако, вспомни,“ сказала добродушная Ударда: „что вчера былъ праздникъ.“

„Знаю,“ былъ отвѣтъ запворницѣ: „вопть ужь два дня, какъ у меня въ кружкѣ нѣтъ воды ни капельки.“

Попомъ прибавила, помолчавъ: „Теперь праздникъ; обо мнѣ позабыли, и по дѣломъ. Зачѣмъ и вспоминашь меня, когда я ни объ комъ не думаю? Холодная печь не грѣешь.“

Слова сіи какъ бы упомяли ее, и голова ея снова скапнулась на колѣни. Сострадательная Ударда, воображая, что она говоришь объ холодѣ, сказала простодушно: — „Не принесли ли тебѣ немного дровъ? Ты разведешь огонь и согрѣешься.“

„Согрѣюсь! отвѣчала запворница, съ страннѣмъ выраженіемъ: „но согрѣется ли малюшка, которая пятанадцать лѣтъ подь землею?“

Она запряслась всѣмъ пѣломъ, привсхавъ на колѣна, глаза ея сверкали; вдругъ она пропхнула свою бѣлую, сухую руку къ ребенку,

смотрящему на нее съ удвлєніемъ: — „Унеси педидя!“ закричала она: „Цыганка идееть!“

И упала навзничъ; лобъ ея звукнулъ о помостъ, какъ камень о камень. Женщины сочли ее умершею. Однако, черезъ нѣсколько времени, она пошевельнулась, и онѣ увидѣли, какъ она поползла на чепверенькахъ въ пость уголь, гдѣ лежалъ маленькій башмачекъ, и, опасаясь заглннуть въ келійку, ничего не видали. Но онѣ слышали тысячи вздоховъ и поцѣлуевъ, смѣшанныхъ съ пронзительными воплями, и какіе-то глухіе удары, какъ бы головою объ спѣну. Послѣ одного изъ сихъ ударовъ, споль сильнаго, что онѣ всѣ прое вздохнули, ничего не спало слышно.

Не ужъ-то она убилась?“ сказала Гервасія, пыпаясь просунуть голову въ окошечко. — „Сестра! сестра Гудула!“

„Сестра Гудула!“ повторила Ударда.

„Боже мой! Не шевельнется!“ молвила Гервасія: „не ужъ-то умерла? Гудула! Гудула!“

Майешта не могла опъ слезъ выговорить слова, но, собравшись съ силами, сказала: — „Постойте!“ потомъ, наклонившись къ опверзтію: „Пакешта!“ промолвила она: „Пакешта Шантфлери!“

Ребенокъ, просподушно раздувающій полузажженный фишиль пепарды, не сполько бываетъ напуганъ, когда она вспыхнетъ

ему въ глаза, какъ испугалась Майетта дѣйствія, какое произвело сіе имя, неожиданно сказанное въ окошечко сестры Гудулы.

Запрешавъ всѣмъ шѣломъ, заповорница вскочила на ноги, и прыгнула къ отверзтію съ сверкающими глазами, такъ, что Майетта съ Удардою, и другая женщина съ ребенкомъ, отскочили до самой ограды.

Зловѣщее лице заповорницы явилось урвешенки отверзтія. — „А! а!“ закричала она съ дикимъ смѣхомъ: „Цыганка зовешь меня...!“

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТАНУ ЮСАФАТА БАРВАРО ВЪ 1436 ГОДУ.

(Продолженіе.)

Жилъ въ то время въ Танѣ священникъ Францисканскаго ордена, по имени Термо, который, сдѣлавши изъ двухъ обручей, одного большаго, а другаго малаго, сѣтъ, и прикрѣпивъ ихъ къ вкопанному въ землю деревянному столбу, ловилъ за сѣтями города по 10 и по 20 куропапокъ разомъ, и продавая ихъ каждый день, выручилъ столько денегъ, что купилъ себѣ Черкесскаго невольника, котора-

го и назвалъ *Перниге* (куропашкою). Въ послѣдствіи онъ постригъ его въ священники.

Тамъ разной дичи было сполько, что иногда олени, увидѣвъ ночью свѣтъ въ какомъ нибудь домѣ, приходили шуда стадами; — а когда въ немъ было распворено окно, то и пшицы разнаго рода влѣпали въ оное большими спаями.

По мѣспу, какое занималъ народъ сей, можно было заключить и о количествѣ его: пбо въ одномъ мѣспѣ, именуемомъ *Бозагацъ*, гдѣ былъ мой рыбный заводъ, (мѣспо сіе опдалено опъ Таны на 40 миль), рыбаки мои жаловались мнѣ на опустошеніе, причиненное моему рыбному заводу; и недовольно того, что они взяли съ собою рыбу, какъ посоленную, такъ и не посоленную, но даже икру и соль, которая тамъ оставалась. Кромѣ сего они разорили при мельнички, сдѣланныя мною для помолу соли; взяли съ собою все желѣзо, которое тамъ было; пуще сего они разломали еще бочки, и унесли съ собою клѣшки, которыя они употребляютъ въ спроеніи своихъ воевъ. — Но что было сдѣлано мнѣ, то было сдѣлано и всѣмъ. — Нѣкто Дзуанъ дела-Валле, имѣвшій также тамъ рыбный заводъ, услышавъ о приходѣ ихъ Императора, приказалъ выкопать глубокий ровъ, въ который онъ закопалъ около тридцати бо-

ченковъ свѣжей пкры. Накрывъ же все сіе землею, велѣлъ разложить огонь, и сверху засыпалъ топъ ровъ золою, думая, что они пройдутъ сіе мѣсто безъ вниманія. Напропивъ того, они, пришедши туда, топчасъ раскопали ровъ топъ, и ни чего въ немъ не оставили.

Народъ сей ѣздитъ на повозкахъ о двухъ колесахъ, копорыя бывають накрыты войлокомъ, или рогожами, или сукномъ, смотря по состоянію. Нѣкоторыя даже и живутъ въ нихъ; но тѣ повозки или кибитки дѣлаются слѣдующимъ образомъ: они берутъ деревянный обручъ, имѣющій въ поперечникѣ полтора аршина, и на ономъ укрѣпляютъ еще нѣсколько обручей, копорыя бывають пересѣчены въ серединѣ; послѣ сего накрываютъ все сіе или рогожами, или сукномъ, или войлокомъ, какъ выше сего сказано было. Когда же они хотять гдѣ либо на время основать жилище свое, то, снявъ съ колесъ кибитки сіи, спавяютъ ихъ на землю — и тамъ живутъ.

Спустя нѣсколько дней по отъѣздѣ ихъ Императора, пришли ко мнѣ нѣкоторыя изъ жителей Таны, сказавъ, что меня ожидаетъ какой-то Ташаринъ у спѣвъ городскихъ, и что онъ желаетъ говорить со мною. Пришедши туда, я узналъ, что неподалеку отъ Таны находится нѣкто по имени Еделмугъ, копорый охот-

но вошелъ бы къ намъ въ городъ, (если бы это не было мнѣ прошивно) и сдѣлался бы моимъ племянникомъ, ш. е. госпемъ.

Получивъ на сіе позволеніе опъ Консула, я ввелъ Еделмуга, съ премея еще людьми, и повелъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ угощаль его чѣмъ только могъ, въ особенноти подчиваль его виномъ, которое ему очень понравилось; — и онъ госпилъ у меня два дня. — Желая наконецъ со мной разспашься, онъ уговариваль меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, увѣряя, что мнѣ нечего опасаться, и что я съ нимъ смѣло могу быть вездѣ. Я это разсказаль нѣкоторымъ купцамъ, моимъ соотечественникамъ, — и они всѣ были поражены удивленіемъ.

Рѣшившись наконецъ ѣхать съ нимъ, я велѣль двумъ Тапарамъ изъ города Таны иппи за нами пѣшкомъ, а самъ сѣлъ на лошадь, и мы въ три часа упря выѣхали изъ города. Еделмугъ былъ шакъ пьянъ, что у него изъ носу и изъ ушей шла кровь; и когда я его уговариваль, чтобы онъ не пилъ шакъ много вина, то онъ, дѣлая разныя кривлянія, подобно обезьянѣ, говорилъ мнѣ: „оспавъ меня въ покоѣ, вѣдь я въ цѣлую жизнь не надѣюсь пить больше вина.“ — По дорогъ мы встрѣтили рѣку (*), которая была покрыта льдомъ,

(*) Донъ.

— и мы съ немалою трудностію перешли чрезъ оную. Упоминившись опъ долгаго пупи, мы рѣшились отдохнуть у неизвѣснаго намъ народа, гдѣ и провели ночь, безпокоясь, чего намъ должно было ожидать.

На слѣдующее утро, мы начали опять свое путешесствіе, и перешли по льду черезъ другой рукавъ рѣки, однако съ гораздо меньшею трудностію и опасностію, какъ въ прошедшій день: — мы старались итти по той дорогѣ, по которой шелъ пошъ народъ, похожій (по множеству своему) на муравьевъ. — Но наконецъ достигли мы мѣста, гдѣ находился ихъ Императоръ; тамъ Еделмугу отдана была должная честь, и принесли ему хлѣба, молока, и пому подобныхъ вещей, — такъ, что мы ни въ чемъ не имѣли нужды. — На другой день, желали видѣть, какъ народъ сей ѣздитъ верхомъ, и какому порядку слѣдуетъ онъ въ разныхъ воинскихъ упражненіяхъ; я увидѣлъ очень много любопытнаго и достойнаго вниманія, такъ, что если бы предпринялъ описать одно за другимъ, то я думаю, что составилъ бы большую и весьма занимательную книгу.

Мы приблизились къ мѣсту, гдѣ обиталъ ихъ Императоръ, котораго я заспалъ лежавшимъ подъ балдахиномъ, а вокругъ него безчисленное множество народа. Тѣ же, которые желали

предстать предъ него, спояли на колѣняхъ, на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и въ опдаленности оставляли оружіе свое.

Когда же съ кѣмъ нибудь изъ нихъ Императоръ или говорилъ, или пребовавъ изъясненія причины, заставившей его прійти къ нему, то проситель, подошедши къ нему ближе, становился по прежнему на колѣни, и Императоръ въ другой разъ дѣлалъ ему разные вопросы, и эта церемонія продолжается до тѣхъ поръ, покуда онъ даетъ аудіенцію.

По цѣлой Ордѣ споры и обиды рѣшаются безъ всякаго приуготовленія, и это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Когда кто нибудь изъ нихъ имѣетъ съ кѣмъ либо онѣкопсоромъ дѣлать споръ, будучи обиженъ или словами, или инымъ образомъ, то они оба, а если ихъ много, то всѣ, идутъ на ту дорогу, которая имъ кажется лучшею, и первому, попавшемуся къ нимъ на встрѣчу челоуѣку, какого бы онъ званія ни былъ, говорятъ такъ: „господинъ, выслушай насъ, потому что мы поспорили;“ и онъ тотчасъ останавливается и слушаетъ то, что они ему говорятъ, а потомъ рѣшаетъ спорное дѣло безъ всякихъ бумагъ, и о рѣшеніи его никто болѣе не говоритъ. Когда же на сіе спекается много поспороннихъ людей, то онъ, обратившись къ нимъ, говоритъ: „вы буде-

не свидѣтелями моего рѣшенія. “ Подобный порядокъ употребляется всегда во всѣхъ ихъ спорахъ.

Проходя нѣкогда по сей Ордѣ, подошедши къ одному, увидѣлъ я опрокинутую деревянную чашку; поднявши же ее, я нашелъ въ ней нѣсколько варенаго проса, и обратившись къ подлѣ меня стоявшему Тапарину, спросилъ его, что́ бы это значило? — Онъ отвѣчалъ мнѣ: что это положено *гибу пересѣ*, ш. е. язычниками. „Какъ!“ возразилъ я: „неужели между вами есть язычники?“ Онъ же со вздохомъ отвѣчалъ мнѣ: „Ахъ и сколько ихъ! — но они скрываются.“

Перечесъ народъ сей, какъ я сказалъ выше сего, невозможно; но я скажу о семъ то, что думаю. — Я знаю положительно, что во всей Ордѣ, когда она бываетъ собрана въ одно мѣсто, находится 300,000 душъ. — Сіе я говорю потому, что часпію Орды сей начальствовалъ Улу-Магуметъ-Ханъ, о чемъ сказано было выше сего.

Народъ сей храбръ и неустрашимъ, пакъ, что нѣкоторыя изъ нихъ по превосходству своему предъ прочими именуются *Талабагаторъ*, ш. е. храбрые дураки (*). Молва о

(*). Не лучше-ли перевесъ: *Изступленныя богатыри, или безразсудныя храбрецы.*

семь странномъ для насъ названіи носится по всему народу, и значеніе онаго соотвѣтствуетъ словамъ: *умный, красивый*, и проч.

Храбрые дураки имѣють предпочтеніе предъ всѣми, и все, что они ни дѣлають (хотя впрочемъ они поступаютъ очень безразсудно) бываетъ похваляемо; ибо какъ все ими дѣлаемое бываетъ слѣдствіемъ храбрости, то другимъ и кажется, что они дѣлають свое дѣло. Изъ нихъ многіе, во время войны, считаютъ ни во что жизнь, не спрашиваютъ ничего; напропивъ того, спремются всегда впередъ, и подвергаются явной опасности, безъ всякой причины, отъ чего прусы иногда ободряются и дѣлаются храбрыми.

Мнѣ кажется, что имъ это прозвище очень пристало; ибо (по моему мнѣнію) никто не можетъ быть храбрымъ человекомъ, если онъ не безразсуденъ. По истинѣ, не глупость ли это, когда одинъ хочетъ итти пропиву чепырехъ? — Не дурачество ли это, когда кто нибудь готовъ драться съ ножомъ въ рукахъ съ шѣми, которые имѣють у себя шпаги? — Кстати, расскажу вамъ, что случилось однажды со мною въ Танѣ.

Однажды пришли на городскую площадь Татары, и сказали, что сто вонныхъ Черкесъ кроются въ лѣсу, отстоящемъ отъ Таны на три мили, и хопятъ, по обыкнове-

нiю своему, сдѣлать набѣгъ. — Я находил-ся тогда, по случаю, въ лавкѣ, гдѣ продавали сырѣлы; со мною былъ шамъ какой-то купецъ, родомъ Ташаринъ, который лишь только что услышалъ объ эшомъ, вскочивши, сказалъ: зачѣмъ намъ не опважиться поймать ихъ? Сколько шамъ Черкесъ? — Я ему отвѣчалъ: — Сто! — Хорошо, возразилъ онъ. — Насъ пятеро; сколько же ты ихъ поймать можешь? — Сорокъ, отвѣчалъ онъ, присовокупивши: вѣдь Черкесы болѣе походятъ на женщинъ, нежели на мужчинъ. Говоря сіе, онъ безпрерывно кричалъ „пойдемъ и поймаемъ ихъ.“ — Услышавши сіе, я тотчасъ пошелъ къ Мессеръ Франческо и рассказалъ ему о случившемся. — Франческо, разсмѣявшись, спросилъ меня, доспанеть ли у меня смѣлости итти туда. Я ему отвѣтствовалъ, что я ничего не опасаюсь.

Спусти нѣсколько часовъ, согласившись ѣхать туда, мы сѣли на лошадей, приказавъ нашимъ людямъ прійти къ намъ по водѣ. — Въ полдень напали мы на Черкесовъ стоявшихъ въ лѣнн. — Нѣкоторые изъ нихъ спали. — Судьбѣ угодно было, чтобъ гораздо прежде насъ прибылъ туда трубачъ нашъ, который, запрубивъ, заспавилъ многихъ изъ нихъ бѣжать. — Однако же между умершими и взятыми въ плѣнъ было сорокъ человекъ

Черкесь — Любопытно было смотреть на храбрых дураков тогда, когда Татаринъ сей хоплъ непременно, чтобы они настигли бѣжавшихъ Черкесь. — Увидѣвши же, что никто изъ нихъ не двигался съ мѣста, онъ самъ погнался за Черкесами, крича имъ въ слѣдъ, чтобы они воропились. — Возвратившись чрезъ часъ, и прибывши къ намъ, онъ крѣпко жаллъ о томъ, что не могъ ихъ настичь. — Представьте же, какова была его безразсудность, гоняясь за такимъ множествомъ людей: и что бы онъ сдѣлалъ, когда бы они поворожили къ нему? — Вѣрно заплашилъ бы онъ жизнью за безразсудную отважность. — Но не смотря на сіе, онъ еще издѣвался надъ нами, когда мы ему выговаривали, что онъ поступилъ очень неблагоразумно.

Малые опряды сего войска, (о которомъ я упоминалъ выше сего), пришедшіе прежде въ Тану, были отправлены для рекогносцировки мѣстъ, и для того, чтобы предостеречь войско отъ предстоящей можетъ быть опасности. — По водвореніи ихъ Императора на какомъ либо мѣстѣ, народъ поспѣшно устроиваетъ базаръ, спая балаганы въ линію, и оставляя широкую улицу. Однако же многочисленность скопа зимой производитъ большую грязь, а лѣтомъ ужасную

пыль. — По устройеніи базара, они спроятъ печки, жарятъ и варятъ въ нихъ мясо, дѣлаютъ разныя лакомства изъ молока, масла и сыру. — Они ловятъ искусно всякую дичь, въ особенности оленей.

У нихъ въ Ордѣ находятся суконныя фабрики, слесаря, кузнецы и всякіе мастера. — Но ежели ты спросишь меня, зачѣмъ же они кочуютъ, какъ Цыганы; по я тебѣ скажу въ отвѣтъ, что ты въ этомъ ошибаешься, ибо занимаемая ими степи походятъ на прекрасныя и огромныя города, не окруженныя только стѣнами.

Однажды, подъѣзжая къ Тагъ, на воротахъ которой была построена прекрасная башня, я, указавъ оную бывшему тогда со мной Тапарину, смотрѣвшему на оную пристально, спросилъ у него, нравится ли она ему; онъ же, посмотрѣвъ на меня и разсмѣявшись, отвѣчалъ: одни прусы только спроятъ башни. Мнѣ кажется, что онъ въ этомъ правъ.

Въ сей Ордѣ находятся купцы, которые развозятъ повары всякаго роду по разнымъ мѣстамъ.

(Продолженіе впереди.)

III.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

О главныхъ правилахъ Народнаго
Европейскаго Права (*).

Между новѣйшими сочиненіями о Народномъ Европейскомъ Правѣ, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ особенное вни-

(*) Спашья сія, написанная Г. Магистромъ Харьковскаго Университета, Тихономъ Федоровичемъ Степановымъ, доставлена намъ при слѣдующей запискѣ: „Читатели вашего Журнала обязаны вамъ благодарностію за нѣкоторыя спашья Г. Степанова по части Политической Экономіи, помѣщенные въ разныхъ книжкахъ вашего Журнала; въ Литературной Газетѣ нынѣшняго года мы читали также замѣчательныя сужденія его же Г. Степанова о *Статистикѣ*, и письма его: а) *о томъ, въ чемъ состоитъ богатство*, б) *о налогахъ вообще* и пр. и пр. Сочиненія Г-на Степанова, по избранной имъ отрасли Наукъ (нравственно-политическихъ), отличаются пою общностію взгляда, пою послѣдовательностію мыслей и сужденій, происходящихъ отъ одной основной идеи (*l'idée mère*), кои составляютъ собою сущность хорошей, основательной системы. Въ предлагаемой здѣсь спашьѣ, Г. Степановъ разбираетъ одну главу изъ книги: *Le droit des gens européen*, написанной на Нѣмецкомъ язы-

маніє твореніє Шмальца, знаменншаго Нѣмецкаго Писателя. Сіє твореніє переведено на Французскій языкъ подъ названіемъ: Le droit des gens supérieurs. Главное достоинство Автора сей книги составляютъ ясность и порядокъ изложенія. Впрочемъ, онъ мало входитъ въ подробности собственно абсолютнаго Права Народовъ, ибо онъ Право Народное, какъ видно изъ самаго переведеннаго здѣсь опривка, разумѣлъ болѣе въ положи-

къ Тайнымъ Совѣшникомъ Е. В. Короля Прусскаго и Профессоромъ Правъ въ Берлинскомъ Университетѣ, Г. Шмальцомъ, а на Французскій языкъ переведенной Графомъ Бѣмомъ (Парижъ, 1823). Книга сія заключаетъ въ себѣ весьма здравыя сужденія о Правѣ Народномъ и Дипломатіи; она по справедливости можетъ назваться твореніемъ классическимъ. — Русскій Переводчикъ не передаетъ безусловно мнѣній и сужденій своего Автора; но разбираетъ оныя по частямъ, соглашался съ одними изъ нихъ, и присовокупляя собственныя замѣчанія къ тѣмъ, съ которыми онъ не вполне согласенъ. Сіимъ способомъ Г. Степановъ разсматриваетъ цѣлое твореніє Шмальца, такъ что всѣ замѣчанія Переводчика служатъ или поясненіемъ, или въ нѣкоторомъ смыслѣ исправленіемъ сужденій избраннаго имъ Автора. — Желаемъ почтенному Переводчику полнаго успѣха въ его полезномъ предпріятіи, и надѣемся сего, если позволено судиць о цѣломъ трудѣ по началкамъ, столь счастливымъ. О. С.

тельномъ смыслѣ. Конечно, суди безпристрастно, я не могу не замѣтить, что такіе Писатели, какъ Ваппель (*), сполнѣ выше Шмальца въ области обозрѣнія существенныхъ пончайшихъ отношеній народовъ между собою. Ваппель есть одинъ изъ глубочайшихъ геніевъ; духъ его проникнуть необыкновенною силою во всѣхъ частяхъ его творенія; высокость мыслей, благородство чувствованій во всемъ блескѣ отражаются на каждой страницѣ, такъ, что оно по справедливости носитъ названіе Кодекса Посланниковъ (code des ambassadeurs), хотя нельзя умолчать о томъ, что онъ иногда много въ образѣ своихъ мнѣній увлекался духомъ времени. — Но какой Писатель не приносилъ сей дани или сей жертвы? Да и не есть ли это естественный порядокъ самыхъ вещей? Не участвуетъ ли сама природа въ направленіи великихъ умовъ сообразно своимъ дѣламъ? — Посему и въ твореніи Шмальца замѣненъ оппечашокъ вліянія настоящаго времени; что же касается до сравненія сего Писателя съ Марпенсомъ, Клиберомъ (**), то онъ ни мало

(*) Сочиненіе его извѣстное есть: *Le droit des gens*.

(**) Твореніе его, къ величайшей пользѣ нашихъ соотечественниковъ, переведено на Русскій языкъ, подъ названіемъ Новѣйшаго Европейскаго Права.

не уступаетъ имъ въ области мышленія, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и собственно въ направленіи Права различествуемъ отъ нихъ. — Вообще въ твореніи Шмальца различіе между Эпикою и собственно Правомъ Естественнымъ показано очень недостаточно. Но мысль, что идея о Государствѣ совершенно нераздѣльна съ идеею собственности земли, изложена имъ основательно, ясно. Также глава о томъ, какимъ образомъ образовалось Право новѣйшей Европы, представлена имъ послѣдовательно. Здѣсь онъ нѣсколько далѣ замѣнитъ, что Наука — Политическая Экономія ему извѣстна (*). Глава о образованіи Права народовъ Европейскихъ есть отчасти односторонняя, и. е. приурочена къ его образу мыслей, посему не совсемъ удовлетворительна. Глава о Государствахъ Европы заключаетъ въ себѣ многія превосходныя мысли; жаль только, что она, по своей занимательности, не изложена въ порядкѣ болѣе систематическомъ. Статьи: о практическихъ, о взаимныхъ отношеніяхъ Госу-

(*) Сочиненіе его о Политической Экономіи переведено на Французскій языкъ подъ названіемъ: *Economie Politique*. Хотя оно не можеть стоять на ряду съ твореніями первоклассныхъ Писателей Политической Экономіи, однако заслуживаетъ вниманіе.

дарствъ касательно судопроизводства и публичнаго управленія, представлены, хотя кратко, но въ опличномъ порядкѣ и ясности. Прочія статьи также болѣе или менѣе достопримѣчательны.—Теперь я приступаю къ переводу одной изъ самыхъ важнѣйшихъ главъ сего творенія, именно: о главныхъ правилахъ Народнаго Европейскаго Права, — и вмѣстѣ неизлишнимъ почишаю присовокупить нѣкоторыя мои замѣчанія, сохраняя все глубокое уваженіе къ знаменитому Писателю.

„Взаимныя права и обязанности Государствъ могутъ быть опредѣляемы общими правилами, общими для всѣхъ, опчасности, которыя только находятся между Государствами въ частности.

„То, что признано за право по неизмѣняемымъ понятіямъ разума, обязываетъ всѣ народы, такъ какъ и всѣхъ нераздѣлимыхъ. Таковы суть заповѣди Самого Божества, которыми необходимо должно слѣдовать вездѣ. Ни какая частная польза не можетъ уполномочить къ нарушенію оныхъ, ибо вообще для человѣчества несравненно важнѣе то, чтобы торжествовала всегда справедливость, нежели то, чтобы какое либо Государство было сохранено. Впрочемъ мудрость Всевышняго Законодателя такъ опредѣлила въ порядкѣ, ею установленномъ, что

„соблюденіе правилъ справедливости никогда
 „не было причиною разрушенія какого либо
 „Государства и даже не наносило ему вреда,
 „между тѣмъ какъ по Государство, кото-
 „рое поддерживаетъ себя посредствомъ од-
 „ной несправедливости, уже чрезъ то самое
 „носитъ въ своей внутренности зародышъ
 „своего паденія.“

Замѣч. Вашпель превосходно изложилъ
 въ своемъ твореніи сей важный предметъ.
 Онъ самыми рѣзкими чертами, со всею си-
 лою своего генія представилъ народамъ велѣ-
 нія закона вѣчнаго, неизмѣняемаго. Шмальцъ
 же нѣсколько двусмысленно выразился въ
 вышеизложенныхъ своихъ мнѣніяхъ. Законъ
 самохраненія есть самый главный законъ для
 всѣхъ вообще народовъ. — Положимъ, что
 два Государства заключили между собою для
 взаимныхъ выгодъ какой либо пактъ, и
 допустимъ вмѣстѣ, что совершенное, точное
 исполненіе онаго, по стеченію разныхъ не-
 предвидѣнныхъ обстоятельствъ, влекло бы
 за собою гибель, уничтоженіе одного изъ
 оныхъ; ужели сіе послѣднее обязано было бы
 исполнить во всей условленной строгости
 такой ужасный пактъ? Безъ сомнѣнія—
 нѣтъ. Только въ семъ случаѣ Государство,
 разрывающее взаимныя обязанности, должно
 сдѣлать возможное удовлетвореніе другому,

если сіе, въ слѣдствіе практаша, или пошер-
пѣло какой либо убытокъ, или уже исполнило
какія либо условія. — Обыкновенно Писапе-
ли о Народномъ Правѣ означенную уклончи-
вость опъ исполненія практаша называющъ
закономъ необходимости.

Представимъ другой подобный примѣръ.
— Положимъ, что какой либо народъ вдругъ,
по причинѣ необыкновеннаго неурожая, ли-
шенъ былъ бы всѣхъ необходимыхъ для со-
храненія жизни сѣсенныхъ припасовъ, и что
въ сіе время другой народъ рѣшилельцо оп-
казалъ бы ему въ доставленіи оныхъ; спра-
шиваю: не имѣлъ ли бы права доведенный до
ужасовъ голода народъ принудить силою дру-
гой снабдить его необходимыми поребно-
стями, хотя даже по самой высокой цѣнѣ? —
Думаю, что нельзя сего не допустить. Слѣд-
ственно самая явная, по видимому, неспра-
ведливость дѣлается ничтожною, перяпѣ
свою силу по причинѣ важнѣйшаго закона
самохраненія (*). — Даже относительно по-

(*) Сіе-то показываетъ, что Земной шаръ жи-
вешъ для всего человѣчества, и что все человѣ-
чество соспавляетъ одинъ организмъ, одно цѣлое.
По условнымъ отношеніямъ дѣятельности Земна-
го шара и человѣчества, могутъ происходить на-
рушенія порядка то въ шомъ, то въ другомъ мѣ-
стѣ. Въ семъ случаѣ одна часть обязана дѣлать
вознагражденія другой.

хищенія Римлянами Сабинокъ не всѣ Писатели одинаковаго мнѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ смѣло оправдываютъ оное, хотя въ спрогомъ смыслѣ Римляне въ то время не составляли еще народа. Посему Тацій, почитавшій ихъ за шайку бродягъ, жившихъ однимъ грабежемъ, нѣкоторымъ образомъ имѣлъ полное право отказать имъ въ требованіи.

Но слѣдующій примѣръ уже будетъ совершенно противоположенъ первымъ, а именно: если бы какой либо народъ дѣйствительно не иначе поддерживалъ свое существованіе, какъ посредствомъ грабительства, то можетъ ли онъ, не нарушая правилъ справедливости, продолжать сей ужасный способъ существованія? — Безъ сомнѣнія — нѣтъ. Но не ясно ли видно, что онъ въ семъ случаѣ долженъ былъ бы обратиться къ благороднымъ, надежнымъ способамъ дѣятельности? Сего же предположить нельзя, чтобы цѣлый народъ не иначе могъ жить, какъ посредствомъ грабежей. Впрочемъ, если можно допустить такой странный, необыкновенный случай; то нельзя не согласиться, что сей народъ рѣшительно долженъ былъ бы отказатьсь отъ своего политическаго существованія, ибо все таки рано или поздно онъ непременно подвергнется гибели уничто-

женіа, между тѣмъ какъ до того времени непрерывно долженъ сражаться съ самыми священными законами природы. Въ семъ отношеніи мысль Шмальца совершенно оправдывается. Но гораздо болѣе еще она имѣетъ свою силу и дѣйствительность въ томъ смыслѣ, когда народъ посредствомъ разныхъ несправедливыхъ поступковъ спарается увеличить свои выгоды, богатство или могущество. Онъ неуклонно долженъ будетъ испытать наказанія, соразмѣрно своимъ, если можно такъ сказать, пресупушеніямъ. Напротивъ опредѣляющей основаніемъ своихъ дѣйствій одну справедливость, всегда оспается твердымъ въ своемъ существованіи. — Къ сожалѣнію надобно замѣтить, что рѣдко какой либо народъ не выходилъ изъ спротивныхъ предѣловъ справедливости, а потому рѣдко какой народъ и не подвергался въ болѣе или меньшей степени потрясеніямъ — бѣдствіямъ. Никогда не должно обольщаться наружнымъ блескомъ наслоящихся выгодъ: напротивъ, надобно слѣдить своимъ взоромъ, какое вліяніе на политическій организмъ Государствъ имѣютъ извѣстныя происшествія чрезъ цѣлыя столѣтія; иногда вредъ въ полной мѣрѣ обнаруживается уже въ опдаленной будущности. Несправедливость только въ такомъ случаѣ можетъ поперять вредное

свое дѣйствіе на Государство, если бы народъ, почувствовавъ оную, вдругъ переѣнилъ направленіе своего поведенія, и нѣкоторымъ образомъ старался загладитъ прежнія свои ошибки.

Можетъ быть, при семъ скажутъ мнѣ: Римъ не употреблялъ ли самыхъ хиприхъ и нерѣдко несправедливыхъ мѣръ къ своему возвышенію; отъ чего же судьба назначала ему всегда порожествовать надъ другими народами? На сіе отвѣчаю, что Римъ одолженъ своимъ величіемъ не мѣрамъ несправедливости, но удивительной твердости своего народнаго характера и постоянному слѣдованію къ своей цѣли.—Припомъ въ началѣ своего возвышенія онъ болѣе употреблялъ хипросъ въ поведеніи съ другими народами, нежели несправедливость. Сія тогда только начала во всей ужасной силѣ обнаруживаться, когда Римъ носилъ въ своей внушренности, скажу словами Шмальца, зародыши своего паденія.

„Нѣкоторые опзываются съ чувствомъ „пренебреженія о Мозерѣ и многихъ другихъ „Писателяхъ за то, что они поставили ученіе Священнаго Писанія въ число законовъ, „которымъ націи обязаны слѣдовать. Сей кодексъ, какъ кодексъ Божественный, ужели „по сему самому имѣетъ менѣ цѣны? Важность онаго въ семъ отношеніи не признана

„ли согласно всімъ Христіанамъ? — Конечно — спранию было бы нѣкоторыя правила „Евангелія о должностяхъ благочестія почи- „пашь за правила вѣшняго Права. Откро- „веніе имѣеть цѣлю внушрнюю свяпоснь, „а не законодательство для вѣшнихъ дѣй- „ствій; не смотря однако на сіе, одно безъ „другаго не можеть существовать.

„То, что совершенно противоположно „Евангелію, никогда не можеть быть позво- „лено между Христіанами. Посему Христіан- „ство, хотя и спороннымъ образомъ, имѣло „величайшее вліяніе на Право народовъ, такъ „какъ и на отношенія Права вообще. Рели- „гія содѣлалась, не скажу, источникомъ, изъ „коего можно было бы непосредственно по- „черпать рѣшенія Права, но кодексомъ для „нравовъ какъ частныхъ людей, такъ и цѣ- „лыхъ народовъ. Въ наше время Священный „Союзъ, составленный Россією, Австрією и „Пруссією, призналъ сію истину, обязавшись „поддерживать между націями Христіанства „нравственность.“

Замѣч. Сія мысль Шмалльца превосходна! Въ самомъ дѣлѣ, почему Дипломаты въ своихъ заключеніяхъ стараются болѣе или менѣе опираться на мнѣнія извѣстныхъ знамени- ныхъ Писателей? — Не отъ того ли, что ихъ положенія согласно отъ всѣхъ признаны осно-

вашельными, справедливыми? — Но если Религія Христіанская признана равно опть всѣхъ, по крайней мѣрѣ Европейскихъ и другихъ нѣкоторыхъ народовъ божественною, то не болѣе ли еще они обязаны согласовать свои поступки съ ея правилами? — Можетъ ли быть, чтобы Религія Христіанская излагала что либо несообразное съ Естественнымъ Правомъ? Напротивъ, не заключаюся ли въ оной многія правила, собственно относящіяся къ сему Праву, хотя главный — существенный ея предметъ есть образованіе нравственности, сосполщей въ томъ, чтобы люди и народы дѣйствовали по своей волѣ ко благу своему и ко благу другихъ. Что же можетъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на сближеніе между собою народовъ, какъ не такое чистое, божественное правоученіе? Не связываетъ ли оно тѣснѣе, сильнѣе самыя отношенія внѣшняго Права? — Припомъ народы, исполняя единственно предписываемое Естественнымъ Правомъ, никогда въ спрогомъ смыслѣ не могутъ достигнуть своего предназначеннаго совершенства. Къ сему ведетъ одна высокая нравственность. Конечно — сіе еще не развито во взаимныхъ дѣйствіяхъ народовъ между собою; но пройдетъ нѣсколько столѣтій, — и тогда Европа сама по себѣ должна будетъ вспунить въ сферу направленія

нравственности. Дикі народы даже не исполняютъ въ надлежащей строгости и Естественнаго Права, но менѣ ли опъ того оно становится необходимымъ для ихъ благосостоянія? — Ванпелъ сильно доказалъ необходимость нравственности между народами, и представилъ сему нѣкоторыя разительныя примѣры. Такъ напр.: „Парламентъ Англійскій при первомъ извѣщеніи о постигнувшемъ Лиссабонъ бѣдствіи, назначилъ 100,000 ф. ст. для вспоможенія несчастному народу. Король присоединилъ къ сему значительныя суммы; корабли были нагружены разною провизіей и другими необходимыми вещами.“ — Все постепенно раскрывается въ жизни народовъ; то, что въ одномъ спольши кажется еще произвольнымъ, въ другомъ становится необходимымъ. Собственно законъ для жизни человѣчества есть одинъ, и тотъ же, только онъ имѣетъ разныя степени и направленія. Религія Христіанская обнимаетъ въ высшей степени сей законъ: идея человѣчества въ ней заключается во всемъ своемъ величіи, блескѣ, совершенствѣ. Такимъ образомъ Религія Христіанская служитъ какъ бы условнымъ проводникомъ человѣчества къ его предназначенію. Народы входятъ въ разныя между собою соотношенія, союзы, постановляютъ договоры, прак-

папы, а Религія Христіанская въ это время, назидая ихъ внутренностью, исполненіе всего сего облегчаетъ, утверждаетъ, и даже освящаетъ имъ дорогу къ высшему и вмѣстѣ успѣшнѣйшему ихъ сближенію. Потому, если могу такъ выразиться, эпошъ божественный маякъ чловѣчества, и оно опять должно будетъ мало по малу сойти на прежнюю степень варварства. Скажущъ: у Римлянъ и Грековъ не было Христіанства, а они были народами образованными. На сіе отвѣчаю, что они не имѣли еще Религіи Христіанской, — но они пользовались, какъ бы отражательными ея лучами въ жизни чловѣчества. По мѣрѣ чистаго понятія о Божествѣ и чловѣчествѣ въ другихъ народахъ, Религія Христіанская блистала, такъ сказать, у нихъ своимъ заревомъ; но солнце, божественное свѣтило людей и народовъ, она единственно соспавляетъ сама въ себѣ. Священный Союзъ служилъ предвѣстникомъ всеобщаго, прямаго вліянія Религіи Христіанской на жребій народовъ, и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что придетъ время, когда она содѣлается Религіею всѣхъ земель, всѣхъ народовъ, всего чловѣчества.

„Одинъ источникъ, изъ котораго непо-
 „средственно происпекають заключенія о
 „томъ, что соспавляетъ Право между націа-

„ми, естъ Право обычаю. — Юридическая
 „или обязательная сила обычая состоитъ въ
 „помъ, чѣобы народы въ своихъ взаимныхъ
 „дѣйствіяхъ постоянно наблюдали введенное
 „въ употребленіе, — такъ, чѣобы о семъ
 „даже не было и упоминаемо при какихъ либо
 „договорахъ, и наконецъ, чѣобы всъ, предпо-
 „лагая въ своихъ обязательствахъ введенное
 „обычаемъ, признавали сей послѣдній, какъ
 „условіе оныхъ. Всякой, кто только захо-
 „пѣлъ бы отказатьсѣ отъ обычая, учинилъ
 „бы несправедливоспъ, поеліку онъ самъ
 „въ силу сего обычая пользовалсѣ выгодами.“

Замѣт. Здѣсь Шмальцъ ни мало не рас-
 крываетъ причинъ того, что вводитъ обы-
 чай, и по видимому, онъ приписываетъ сіе
 чистому произволу. Но это была бы важная
 ошибка въ понятіи сношеній взаимныхъ наро-
 довъ. Я почишаю нужнымъ сдѣлать проясное
 разделеніе въ томъ, что наблюдаютъ между
 собою Европейскія Государства. — Одни вве-
 денія утверждаются на безусловныхъ отно-
 шеніяхъ народовъ. Собственно это не при-
 надлежитъ къ обычному праву, а составляетъ
 предметъ Права Народнаго, безусловнаго. Вто-
 рые введенія имѣютъ главнымъ своимъ источ-
 никомъ условныя, болѣе или менѣе существен-
 ныя соотношенія Государствъ; и наконецъ
 третьи суть болѣе или менѣе произвольныя.

О необходимости первыхъ введеній вообще для всѣхъ народовъ нѣтъ ни какого сомнѣнiя; впрочемъ же имѣютъ свою силу только въ извѣстномъ кругу народовъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время (*). Самыя существенныя изъ нихъ близко подходятъ, по своей важности, хотя условной, къ правиламъ безусловнаго Народнаго Права; менѣе же существенныя приближаются уже къ произвольнымъ введенiямъ прерываго разряда. Чтобы лучше все сiе представить, для сего мы можемъ привести нѣкоторыя примѣры. — Такъ — если бы какой либо народъ овладѣлъ извѣстнымъ пространствомъ земли, никѣмъ не занятой, и показалъ явное свое намѣренiе и расположенiе пользоваться онымъ исключительно, то можетъ ли другой народъ присвоивать себѣ ту же самую землю?

(Окончанiе впрѣдъ.)

(*) Въ семъ кругу заключаются Государства Европы и Американскiе Соединенные Штаты. Новыя образовавшiяся Государства въ Америкѣ, Турцiя, болѣе и болѣе вступающъ въ сей кругъ. Между другими же Государствами едва на пончайшей нишѣ держатся условныя взаимныя соотношенiя. Извѣстны вышнiя постановленiя Китая и Японiи. Но что сказать о прочихъ земляхъ Азiи и земляхъ Африки? — Жители оныхъ съ народами Европы, по видимому, соединены одною только безусловною жизнiю человечества.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Королевскимъ повелѣніемъ 19 Ноября пожаловано 36 пожизненныхъ Перовъ. Они суть: Князья Бово (de Beauveau) и Ней, Герцоги Бассано и Грамонъ - Кадеруссъ, Маркизь Биземонъ (Bizemont); Генераль-Лейтенанты Графы: Бонне, Кафарелли, Сессакъ, Даншуаръ, Друо, Машье Дюмасть, Эрлонъ, Эксельманъ, Флаго, Газанъ, Лагранжъ, Пажоль, Роге, Филиппъ-Сегюръ и Сень Сюльписъ, Генераль-Лейтенантъ Виконтъ Ронья, Вице-Адмиралы Жакобъ и Графъ Эмеріо, Графы Обюссонъ де Лафѣльдъ, Бонди, Франсе (Нантскій, (Français de Nantes), Ферд. Фуа, Жильберъ де Вуазень, А. де Ларошфуко, Перрего, Тюренъ, Виконтъ Кассини; Бароны: Кювье и Гавилье, Президентъ Лепуашвенъ и Генераль Маіоръ де Ласкуръ. Большая часть сихъ Перовъ были уже пожалованы въ сіе достоинство Наполеономъ во время шестидневнаго правленія, другіе суть люди извѣстные своими познаніями и заслугами, и одинъ (Ферд. Фуа) получилъ званіе Пера за заслуги отца своего (извѣстнаго Депутата, Генерала Фуа), хотя еще ему нѣтъ 25 лѣтъ отъ роду, и слѣдственно онъ не можетъ не только по-

давать голосъ въ Палатѣ, но и засѣдать въ оной. Повелѣніе сіе надѣлало много шуму, если не въ публикѣ, то по крайней мѣрѣ въ Журналахъ и между оппозиціонными Депутатами. Противники Министерства сравниваютъ оное съ послѣдними повелѣніями Карла X, утверждая, что нынѣшнее назначеніе Перовъ не основано ни на какомъ законѣ, ибо 25 статья Хартіи постановленіе временное, которое уже измѣнено Палатою Депутатовъ. Защитники Министерства отвѣчаютъ, что утвержденный Палатою Депутатовъ проектъ не есть еще законъ, пока онъ не приметъ Палатою Перовъ и Королемъ; что если 68 статья Хартіи 1830 года и положено подвергнуть новому разсмотрѣнію статью 25 той же Хартіи, то изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы она не имѣла силы закона; но что впрочемъ, если на основаніи оной нельзя назначить 36 Перовъ, то нельзя назначить и одного Пера, а это сдѣлалъ одинъ изъ главныхъ противниковъ сей мѣры, Г. Дюпонъ де л'Эръ (Dupont de l'Eure) контрастировавшій въ минувшемъ году повелѣніе о возведеніи въ Перское достоинство Адмирала Дюперре.

Двумя другими повелѣніями того же числа Вице - Адмиралъ Графъ Трюге и Генералъ Лейтенантъ Маркизь Груци, пожалованы, первый въ почетныя Адмиралы, а второй въ почетныя Маршалы Франціи, и сверхъ того 114 военнымъ чиновникамъ возвращены чины, пожалованные имъ Наполеономъ въ сподручное правленіе. Старшинство ихъ въ сихъ чинахъ будетъ считаться

содня настоящаго повелѣнія. Изъ сего видно, что Король не утвердилъ проекта закона о семь предметъ, принятаго обѣими Палатами.

Человѣкъ сто оппозиціонныхъ Депушатовъ лѣвой и правой стороны собрались 22 Ноября въ одномъ изъ Отдѣленій Палаты, и подъ председательствомъ Г. Сальверша разсуждали о сихъ повелѣніяхъ; они назначили изъ среды своей Комиссію, состоящую изъ Гг. Одильона-Барро, Сальверша, Могена, Дюпона де л'Эръ, де Трасси, Дюбуа (Намьскаго), де Сада и Кормененя, для составленія адреса, въ которомъ бы Палата изъявила Королю удивленіе и горестъ, возбужденную въ оной сими повелѣніями. Адресъ сей иусть же былъ написанъ, и на другой день Г. Дюпонъ де л'Эръ представилъ оный Президенту Палаты. По принятому порядку предложеніе Депушата можеть бысть прочитано и объясненъ въ публичномъ засѣданіи Палаты только въ такомъ случаѣ, когда по крайней мѣрѣ при Отдѣленіи оной изъявятъ на то свое согласіе; по сему представленный Г. Дюпономъ адресъ розданъ во все 9 Отдѣленій Палаты; но изъ нихъ только одно одобрило это предложеніе; по сему предиріятіе оппозиціи не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ 22 Ноября, Президентъ Совѣта Министровъ представилъ утвержденный Палатою Депушатовъ проектъ закона о Перскомъ достоинствѣ.

Въ засѣданіи Палаты Депушатовъ 22 Ноября, окончаны пренія о проектѣ закона объ утвержде-

ни счетовъ по бюджету 1829 года, и проектъ сей принявъ большинствомъ 289 голосовъ прошивъ 19. Пономъ Палата приступила къ разсмотрѣнiю проекта объ измѣненiи Уголовнаго Законодательства (*); на другой день продолжались пренiя о семъ предметѣ и прочитанъ былъ докладъ объ издержкахъ самой Палаты.

Въ засѣданiи 24 Ноября продолжалось разсмотрѣнiе проекта закона объ измѣненiяхъ въ Уголовномъ Законодательствѣ. Первая статья сего закона, въ которой сказано: „*загоненiе* (la déportation), *выставка къ позорному столбу, отрубленiе кулака и клейменiе ожгиваются*,” возбудила продолжительныя пренiя. Гг. Тувенель и де Траси пребоваи ошмѣненiя смершной казни вообще; Гг. Шарле Дюрё и Дельпонъ, сохраненiя въ законахъ зашоченiя; Г. Тамьяндё ошмѣненiя гражданской смерши; но всѣ сiи предложенiя отринуты Палатою.

По частнымъ письмамъ и по извѣстiямъ, обнародованнымъ ошъ Правительства въ Монше-рѣ и на биржѣ извѣстно уже было, что въ Лионѣ происходили важныя безпорядки, произведенныя фабричными работниками; посему 25 числа Президентъ Совѣща сообщилъ объ оныхъ обѣимъ Палатамъ. Въ рѣчи произнесенной имъ по сему случаю, сказалъ онъ между прочимъ слѣдующее: „Причина негодованiя работниковъ извѣстна. Соперничество другихъ спранъ въ пригошвленiи

(*) Смощи No 47 С. О. и С. А.

гладкихъ шелковыхъ тканей принудило Ліонскихъ фабриканшовъ уменьшити 25 процентами плату за работу. Эта плата казалась работникамъ недоспащочною; они требовали возстановленія прежнихъ цѣнъ, и назначили свой шарифъ. Мѣра сія была незаконна, ибо законы не позволяютъ устанавлять навсегда плату за работы, которая должна быть опредѣляема по обоюдному согласію фабриканта и работника; сверхъ того мѣра сія принудила мануфактурисповъ уменьшити количество своихъ произведеній, потому что они должны были продавать ихъ съ убыткомъ. Въ слѣдствіе сего Правительство предписало мѣстному начальству: „избѣгая всякаго поспрясенія, спарашься вразумити работниковъ, и убѣдити ихъ къ просьбѣ объ отмѣненіи сего шарифа“—Изложивъ такимъ образомъ первую причину недовольствія Ліонскихъ работниковъ, Г. Перье приступилъ къ описанію ихъ возмущенія. По недоспашку мѣста, мы сообщимъ читателямъ нашимъ только главнѣйшія подробности сего происшествія. 21 Ноября въ 7 часовъ утра, работники съ шелковыхъ фабрикъ, живущіе въ общинѣ Краснаго Креста (de la Croix Rousse), собрались въ большомъ числѣ; они произносили ругательства и угрозы прошиву фабриканшовъ, обезоруживали національную гвардію, строили баррикады и выламывали мостовую; попомъ они начали спускахъ въ городъ. Тогда послали прошивъ ихъ войско. Увѣщанія не помогли: работники начали стрѣлять, войска и національная гвардія принуждены были отвѣчать, и съ обѣихъ споровъ иѣ-

сколько человекъ было убито. Мятежники пред-
 ложили вступить въ переговоры; Претексъ Де-
 царшаменша и Генераль Ордонно, Начальникъ на-
 циональной гвардіи, подошли къ нимъ; рабочи-
 ки окружили и задержали ихъ. Между шемъ по-
 доспѣли новые отряды войска, посланные началь-
 никомъ ливійныхъ войскъ, Генераломъ Раге; они
 овладѣли всѣми выходами и загнали мятежниковъ
 въ предместье, въ которомъ живутъ они. Рабо-
 чики снова предложили вступить въ перегово-
 ры; но Генераль объявилъ, что не хочетъ ниче-
 го слышать, пока не будутъ освобождены Пре-
 тексъ и Г. Ордонно; въ слѣдствіе сего первый
 былъ опущенъ рабочими 21 числа, второй
 22. При первомъ извѣстіи о семъ происшествіи,
 Ліонскій Меръ, Депутатъ Прюнель, получилъ
 приказаніе отправиться къ своему мѣсту. Не
 имѣя ни какихъ донесеній, ни отъ Претекша ни отъ
 Генерала, Министерство получило 23 числа упрямъ
 отъ одного изъ Ліонскихъ чиновниковъ рапортъ, въ
 которомъ сказано, что возмущеніе болѣе и болѣе
 распространяется, что рабочики проникли въ
 городъ, овладѣли всѣми мостами, перерѣзали всѣ со-
 общенія и заняли Рапушу, изъ которой Члены Пра-
 вительства удалились для того, чтобы избѣжать
 дальнѣйшихъ бѣдствій и соединиться съ войска-
 ми, подходящими со всѣхъ сторонъ къ Ліону. Г.
 Перье присовокупилъ, что сіе последнее обстоя-
 тельство еще не достоверно, что Совѣтъ при-
 нималъ по сему случаю всѣ нужныя мѣры, и что по
 повелѣнію Короля, Герцогъ Орлеанскій и Военный
 Министръ, Маршалъ Сульсъ, получившій надле-

жащее полномочіе, отправилась на мѣсто возмущенія.

Въ слѣдъ за симъ сообщеніемъ Г. Августинъ Жиро подалъ Президенту предложеніе о поднесеніи Королю адреса, и Палата, послѣ продолжительныхъ споровъ о порядкѣ разсмотрѣнія сего предложенія, удалилась въ свои Отдѣленія, которыя всѣ одобрили оное. Посему Г. Жиро прочелъ свое предложеніе въ публичномъ засѣданіи Палаты, и потомъ была назначена для приготовленія адреса Коммиссія, состоящая изъ Гг. Дюпена старшаго, Дюга, Моубеля, Гизо, Амильо, Жей, Августина Жиро, Керанри, Ганнерона и Жакмино. На другой день Коммиссія представила проектъ адреса, который возбудилъ жаркія пренія и подалъ Г. Могену поводъ къ личностямъ противъ Президента Совѣта; наконецъ оный утвержденъ большинствомъ 294 голосовъ противъ 18, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Государь!

„Съ чувствомъ глубокой горести слушали мы ошквенныя и полныя сообщенія, сдѣланныя намъ Министрами В. В. о безпорядкахъ, происходившихъ въ Лионѣ. Громко одобряемъ мы патристическое рвеніе Принца, сына Вашего, побудившее его усpreмиться туда, гдѣ льется кровь Французовъ, чтобы остановить теченіе оной Свѣжимъ изъявишь В. В. единодушное желаніе Депушатовъ Франціи, чтобы Правительство прошивопоставило симъ пагубнымъ безпорядкамъ всю силу законовъ. Безопасность лицъ была нарушена; право собственности поправно; свобода промыш-

шленности уничтожена, и гласъ Правительствва не былъ услышанъ. Безпорядокъ сей долженъ былъ немедленно прекращенъ; подобныя преступленія должны были строго наказаны. Вся Франція оскорблена нарушеніемъ правъ всѣхъ, въ лицѣ нѣсколькихъ изъ ея гражданъ; она должна оказатъ имъ мощное покровительство.

„Мѣры, уже принятыя Правительствомъ В. В., подають намъ надежду, что порядокъ скоро будетъ возстановленъ. Неразрывное согласіе національной гвардіи и линійныхъ войскъ успокоиваетъ всѣхъ добрыхъ гражданъ. В. В. можете быть увѣрены въ единодушномъ дѣйствіи власшей. Мы почитаемъ себя счастливыми, Государь! что можемъ предложить Вамъ отъ имени Франціи содѣйствіе ея Депушатовъ къ возстановленію спокойствія вездѣ, гдѣ оно будетъ нарушено, къ подавленію безначалія, къ утвержденію священныхъ правилъ, на коихъ покоится самое существованіе общества, и къ доспавленію силы правосудію, уваженія закону.“

Адресъ сей представленъ Королю въ шопъ же вечеръ.

Въ семъ же засѣданіи, Г. Одильонъ-Барро представилъ докладъ Коммисіи, разсматривавшей предложеніе Г. де Шонена о возобновленіи развода, Коммисіа полагаетъ принять оное съ нѣкоторыми измѣненіями.

Палаша Перовъ, въ засѣданіи своемъ 26 Ноября, нарядила, по предложенію Г. Барбе Марбуа,

Коммиссію для соспавленія адреса въ отвѣтъ на сообщеніе Президента Совѣта о безпорядкахъ, происходившихъ въ Ліонѣ. Коммиссія сія состояла изъ Герцоговъ Деказа, Крильона, и де Брولی (de Broglie), Графовъ Поршалиса, Каффарелли, Моле, и Симеона, Барона Мунье и Маркиза Оссонвиль. Чрезъ нѣсколько времени Г. Поршалисъ представилъ, отъ имени оной, слѣдующій проектъ адреса, который въ то же засѣданіе утверждёнъ Палатою *единодушно*.

„Государь!

„Съ чувствомъ живѣйшей горести выслушала Палата Перовъ сообщеніе, сдѣланное ей по приказанію В. В.

„Хотя происшествія, бывшія причиною пролитія крови во вѣдомомъ городѣ Государства, и не имѣютъ никакой политической причины, но они не менѣе того угрожаютъ всему обществу порядку. Безъ ненарушимости собственности, безъ свободы промышленности, безъ повиновенія законамъ и властямъ, могутъ быть только смущеніе и безначаліе.

„Если бы въ числѣ людей, которые обязаны защищать ихъ и получили для того оружіе, нашлись такіе, которые бы сами ихъ нарушали, Государство могло бы быть въ опасности, и наказаніе должно немедленно послѣдовать за преступленіемъ.

„Покушеніе, столь преступное, можешь послужить полезнымъ и спасительнымъ урокомъ для Франціи и властей, ею управляющихъ.

„Палата вполне одобряетъ мѣры, принятыя Правительствомъ. Она радуется вмѣстѣ съ В. В. благороднымъ и патриотическимъ чувствомъ, внушившимъ Наслѣднику Престола великодушное его настрѣніе. Мы надеемся, что одного прегрѣшенія его будетъ достаточно для того, чтобы возвратить къ долгу народъ заблужденный и предувредитъ или остановитъ пролитіе Французской крови, особенно когда воинская сила явится подъ милости, которая прощаетъ, власти, которая умирляетъ, и правосудія, которое наказуетъ.“

„Государь! Палата почитаетъ себя достойною довѣренности В. В.; она будетъ ошвѣчать на оную содѣйствіемъ, которое уже столько разъ оказывала, ибо она убѣждена въ необходимости соединиться вокругъ прона, который одинъ можетъ упрочить торжество порядка, уваженіе собственности и сохраненіе нашихъ государственныхъ постановленій.“

Адресъ сей поднесенъ Королю въ шопъ же вечеръ.

Въ семь же засѣданіи Палата назначила Комиссію для разсмотрѣнія проекта закона о Церскомъ достоинствѣ. Комиссія сосложена изъ Герцоговъ Бреліо и Деказа, Графовъ Коршюде, Моле, Журдана, Руа, Спмеона, Оберваэра, Шапшала и Поршалиса, Маркиза Моршемара и Бароновъ Мунье, Сегье и Поршала.

Изъ послѣдующихъ извѣстій видно, что командовавшій въ Ліонѣ Генераль Рогге, имѣлъ подѣ

начальствомъ своимъ только 1900 человекъ войска, и съ этимъ малымъ числомъ цѣлые два дня выдерживалъ непрерывныя нападенія нѣсколькихъ тысячъ хорошо вооруженныхъ рабочихъ, къ которымъ присоединилось множество бродягъ, уже за нѣсколько времени до того собравшихся въ Лионъ, и страшное число освобожденныхъ капоржниковъ, опличившихся своимъ звѣрскимъ осмервененіемъ. Двѣ роты Инженерныхъ саперовъ и двѣ роты 66-го полка долгое время защищали пороховой заводъ, осаждаемый мяшежниками; командовавший симъ отрядомъ офицеръ, принужденный успунить превосходной силой, побросалъ въ Сону большую часть готоваго пороха. Храбрый Генералъ Роге, выступивъ изъ города подъ выспрѣлами мяшежниковъ, занялъ позицію за двѣ мили отъ Лиона, и ожидалъ тамъ подкрѣпленія. Префектъ Г. Дюмоляръ, и всѣ гражданскія начальства, осмались въ городѣ и объявили народу объ удаленіи войскъ, приглашая добрыхъ гражданъ къ содѣйствію для возстановленія порядка.

Число убитыхъ и раненыхъ простирается до 3000 человекъ. Работники, оставшіеся побѣдителями, не знаютъ уже, что дѣлать съ своей побѣдой; они сожгли два или три дома, но нигдѣ не грабили и стараются сохранить хотя наружность порядка. Между ними уже оказались двѣ партіи, изъ которыхъ одна хочетъ дѣйствовать согласно съ городскимъ начальствомъ, а другая учредить свое собственное Правительство. Полагаютъ, что эти двѣ партіи скоро вступятъ въ бой между собою.

Королевскимъ повелѣніемъ 26 Ноября, Г. Жиске утверждёнъ въ должности Парижскаго Полицейскаго Презекста, а Г. Маллевалъ Главнымъ Секретаремъ сей Претекстуры.

Г-жа Ларошжаклень, взяшая подъ спражу на мызѣ Гобретшьерской (*), скрылась, и въ слѣдствіе сего Королевскій Прокуроръ Гражданскаго суда въ Вандейскомъ Департаментѣ, Г. Торша, ошрѣшенъ ошъ должности.

А н г л и я.

Королевскою прокламаціею 21 Ноября, Парламентъ созывается къ 6 Декабря для ошправленія дѣлъ. Эша формула употребляется тогда, когда уже Король не намѣренъ болѣе откладывать собранія. Анти-реформисты всѣми силами спарались ошдалить эшо созваніе; близость онаго доказываетъ, что Министры не сдѣлають въ биллѣ о реформѣ никакихъ важныхъ перемѣнъ, и швердо вознамѣрились употребить всё законныя средства для того, чтобы доставить оному успѣхъ.

21 Ноября издана прокламація, которою образовавшіяся въ разныхъ мѣстахъ общества, извѣстные подъ именемъ Политическихъ Союзовъ, объявлены противозаконными, потому что они намѣрены дѣйствовать независимо ошъ мѣстнаго начальства, и гражданамъ воспрещено вспунать въ оныя подъ опасеніемъ наказанія.

(*) Смощри № 48 С. О. и С. А.

Изъ собранныхъ по приказанію Парламента свѣдѣній о торговлѣ Англіи съ Франціею съ 1814 по 1850 годъ, видно, что въ это время привезено товаровъ изъ Франціи въ Англію на 497.674.494 франка, а изъ Англіи во Францію только на 188,919,448 фр.

Н И Д Е Р Л А Н Д Ы.

Брюссель. Изъ бюджета по Военному Министерству, представленнаго Палатъ Представителей, видно, что Бельгійская армія состоишь нынѣ изъ 87,000 чел. (въ томъ числѣ 54,000 пѣхоты, 5,200 кавалеріи, 6160 артиллеріи) и 21,640 гражданской гвардіи. Министръ представилъ проектъ закона, по которому армія будетъ состоять, въ мирное время, изъ 27,000 унтеръ-офицеровъ и солдатъ, а въ военное время изъ 80,000 человекъ.

Р А З Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я.

Въ Англіи Журналы такъ скоро сообщаютъ всѣ новости, что повелѣніе Французскаго Короля о назначеніи 36 новыхъ Перовъ было напечатано въ *Standart* чрезъ 27 часовъ послѣ того, какъ оно вышло въ Парижѣ; а между тѣмъ почта ходилъ изъ Парижа въ Лондонъ въ 36 часовъ.

Холера въ Сундерландѣ продолжается; число больныхъ простиралось, по 20 Ноября, до 58 чел.

Изъ Женевы пишутъ, что въ Савойѣ и Пиемонтѣ всѣ крѣпости съ нѣкошораго времени обезоруживаются.

3-го Декабря.

